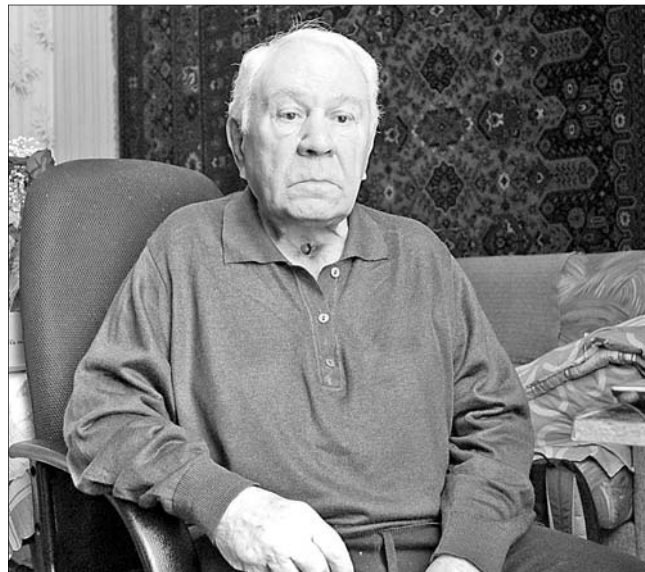

Я не предаю Россию

Михаил Николаевич Пеймер.

Не пропустить врага!

В Сталинградскую битву лейтенант Пеймер вступил севернее Сталинградского тракторного завода им. Ф.Э. Дзержинского в августе 42-го. Двести дней мясорубки превратили пухлогубого выпускника 1-го Гвардейского Краснознаменного минометного артиллерийского училища им. Красина в мужика.

Сталинград был не первым боем Миши Пеймера. В ноябре 41-го курсанты училища участвовали в обороне Москвы на Волоколамском направлении. Сталин быстро отозвал училище с фронта. Ведь это была элита, будущие командиры боевых машин реактивной артиллерии, попросту «Катюш».

Боевые ветераны Великой Отечественной не очень-то любят вспоминать войну в деталях. Вот и Михаил Николаевич масштабно передвигает армии и целые фронты. А о своем Сталинграде рассказывает скупо. И все же...

— Такого накала битвы не было ни до, ни после. Это был один непрерывный бой. После Сталинграда остальная война для меня была маршем победы.

В октябре 42-го девятнадцатилетний лейтенант Пеймер был назначен командиром батареи 336-го дивизиона 72-го гвардейского полка РККА. Это четыре боевые установки залпового огня и 200 человек подчиненных.

— Особенность боев под Сталинградом в том, что прижатый к Волге фронт был очень узким. Потому все войска, включая нас, артиллеристов, защищали свои позиции сами. Нам приходилось не только стрелять из орудий,

но и вступать в кровопролитные стрелковые дуэли.

Потери были огромны. Ежедневно батарея теряла от 20 до 80 бойцов. Командир батареи и сам был тяжело контужен, из ушей шла кровь. Прямо на передовой его подлатали в госпитале, и лейтенант Пеймер вновь встал в строй.

Воевали круглые сутки. Земля была засыпана осколками. Бойцы шутили, что после войны здесь будет расти металл.

Днем не ели и не пили: зима выдалась лютая и бесснежная. Кровавыми цинготными деснами жевали мерзлый хлеб. Под покровом тьмы с термосами горячей похлебки приползали тылы из села Латашанка. Наскоро ели, валялись спать. Боевое охранение продолжало воевать.

— Я не чувствовал ничего! Был отрешен от собственного «я», стал деталью общего боя, — говорит Михаил Николаевич. — У меня было одно чувство: убить! Не пропустить врага!

Все же были и другие чувства. Ночью помощник командира части Сережа Марфин брал гитару, и молодые офицеры втихаря пели песни. Они мечтали, что после войны наша страна будет великой державой. Потому что по-другому мечтать не могли. Мечтали о победе, о девушках, о будущих семьях и детях. Миша Пеймер мечтал о Лидочке, огоньке, светившем ему все месяцы жесточайших боев с фашистами.

Изменница Лидочка

Лидочка и Миша учились вместе в 37-й школе на Советской улице. Они гуляли, держась за руки, объяснялись друг другу в

НИКОГДА

25 февраля исполняется 95 лет Михаилу Николаевичу Пеймеру, участнику Сталинградской битвы, одному из семи ныне живущих в Ярославле. Сталинград, любовь, ГУЛАГ — три важные вехи в его жизненном пути.

любви. Их называли «семья Пеймеров».

В войну Лида осталась в Ярославле с мамой, поступила в техникум. Ее учеба прерывалась сельхозработами в обезлюдевших колхозах. Об этом Михаил знал из скудных Лидиных писем. В отношениях двоих сила у того, кто меньше любит. Сила была у Лидочки.

«Я писал Лиде часто, — пишет Михаил Николаевич в своих воспоминаниях. — Писал по ночам при скудном свете фронтового «светильника» из артиллерийской гильзы... Эти письма были важнее сна, важнее скудной фронтовой еды, важнее всего, кроме самой войны! Лида отвечала одним немногословным письмом на восемь-десять моих. Я ждал их мучительно, упрекал ее в невнимании, но ничего не менялось».

После Сталинграда 72-й полк направили на реформирование в Москву. Впереди защитников ждала сказка: баня, театр, танцы, девушки. А Михаил хотел повидаться с Лидой. И вот неожиданно представился отпуск.

В Ярославль поезд прибыл затемно. Михаил дошагал до Лидино дома на улице Собинова, сел под сирень, еще посаженную умершим Лидиным отцом, и стал ждать. Дверь распахнулась, и мимо в распахнутом халатике промчалась Лида. Остановилась, словно споткнулась.

— Мама, Миша приехал! — бросилась в объятия Михаилу.

Весь день они не могли наговориться. А следующий день Михаил посвятил другу Димке Голозову, который после тяжелого ранения долечивался в Ярославле. Друг рассказал, что у Лиды появился парень, сокурсник по техникуму, получивший бронь благодаря влиянию отца. Показал этого Николая на танцплощадке и, не

дав набить ему морду, утащил прочь.

На улице Собинова Михаил возвращался раздавленным. Неверность жен и невест на фронте обсуждалась постоянно. Письма изменницам с преданием их позору нередко писались коллегиально. На государственном уровне соблюдение женской верности стало идеологической задачей, ибо укрепляло боевой дух защитников Отечества. Но Лида потребовала не диктовать ей своих условий: «Ты мне не муж! Буду дружить с кем хочу!» Михаил схватил вещмешок и ушел в ночь...

За «болтуна» и еврея

Потом было истоптано много фронтовых дорог: Белоруссия, Литва, Пруссия... Победу Михаил Пеймер встретил в тюрьме города Инстенбург, ныне Черняховск Калининградской области. Донос написали три офицера, которых раздражало, что Михаил «шибко грамотный еврей».

— Когда я пошел получить паспорт, моя мудрая мачеха Генриетта Шполянская (она растила Михаила с трех лет. — прим. автора) сказала: «Миша, возьми мою фамилию, а в графе «национальность» напиши «украинец». Я кивнул. «Ну какая фамилия?» — по моему возвращению спросила тетя Гета. «Пеймер. — ответил я — Национальность — еврей». «Зачем?» — удивилась она. «Я не мог предать папу! И бабушку тоже не мог!» — ответил я.

Суд над Пеймером длился пять минут, конвой не успел выкурить самокрутку.

— Как же вы, молодой человек, дошли до жизни такой? — спросила председатель судебной тройки.

— Прошу, разрешите хотя бы в штрафной роте искупить вину? — попросил Михаил: до конца войны оставалось две недели. Судья махнула рукой:

— Без вас обойдемся!

Михаил и Лидочка. 1952 год.

И зачитала составленный заранее приговор: 10 лет лагерей.

Из Инстенбурга Пеймера этапом отправили в Воркуту. Сначала он был шахтером шахты № 3 комбината «Воркутуголь». Через месяц его назначили бригадиром. Потом случилось чудо: Михаил заболел тифом. В тифозном госпитале его выходила военврач 3-го ранга Евгения Зубкова, получившая 8 лет лагерей за то, что побывала в финском плену в 1939-м. Выходила по личной просьбе заключенного генерала Сергея Польгина, возглавлявшего в лагере Комитет помощи офицерам Отечественной войны.

— Да потому что я офицер боевой. И осужден не за предательство, а несправедным судом, — отвечает на мой немой вопрос Михаил Николаевич.

Таких, как Пеймер, в лагерях называли «болтунами». Сболтнул Михаил про советских военнопленных, которых Красная армия освобождала из нацистских лагерей, а их, истерзанных и несчастных, свои же грузили в теплушки и снова отправляли в лагерь.

После болезни Михаилу запретили работать в шахте. Вскоре в Воркуте развернулось массовое строительство новых шахт. Послевоенному СССР требовался уголь. Заключенного Пеймера назначили начальником планового отдела стройуправления, занимающегося строительством новых шахт. Он получил бесконвойный выход в город. Жизнь налаживалась. Из лагеря Михаил Николаевич освобожден на три года раньше срока, в 1952-м. Окончил Кемеровский горный институт, всю жизнь трудился в Воркуте. Карьеру завершил начальником комплекса реконструкции шахт Воркутинского угольного бассейна. По-

сле смерти Сталина реабилитирован.

Все же это любовь

Лидочка Михаила не дождалась, вышла замуж, родила дочку. А он ее не мог забыть. В 52-м, после освобождения, рванул в Ярославль. Повидался — и в Воркуту. Бывшему зеку в Ярославле жить было нельзя. Через год научный сотрудник воркутинского НИИ, выпускница Харьковского технологического института Тамара Бражник сделала Михаилу предложение. В новой семье родились сын и дочь.

— Жили не очень, — признается Михаил Николаевич. — Я однолюб. Признаюсь, мы с Лидой тайком встречались все годы. Я убежал от Тамары, Лида от своего мужа. Вместе ездили в отпуск.

В СССР это считалось «аморалкой». Пеймера вызвали «на ковер» в горком партии и влепили строгий выговор. «Никакие взыскания, никакая партийная дисциплина не могут разрушить любовь!» — ответил на это непокорившийся влюбленный.

Они поженились в 1984 году, когда оба овдовели и Михаил Николаевич вернулся в Ярославль.

— Мы не просто расписались. Мы, как положено, стояли на красном ковре под марш Мендельсона, отгуляли веселую свадьбу.

Им было по 60. После свадьбы жизнь отмерила влюбленным еще 32 года счастливого брака...

— Не обидно ли, что Родина так «отблагодарила» за службу? Так погнула судьбу? — спрашиваю на прощание.

— Можно ли обижаться на Родину? — удивляется Михаил Николаевич. — Я люблю эту страну и не предаю ее даже в помыслах. Если сегодня мне скажут «возьми автомат и убей врага!», я пойду и убью.

Верю...

Елена СОЛОНДАЕВА

Фото автора
и из архива М.Н. ПЕЙМЕРА